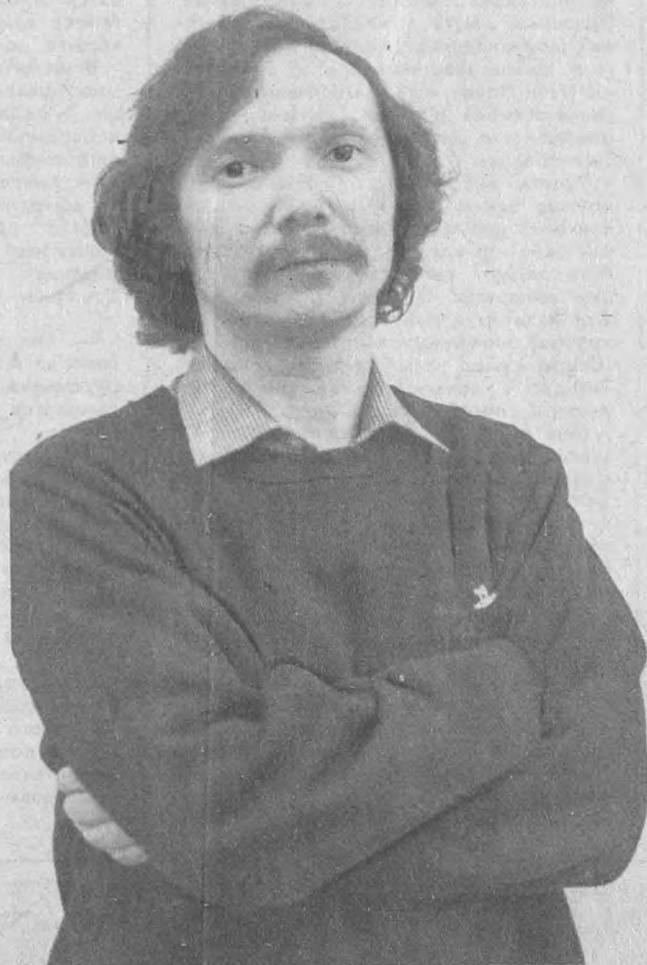

Андрей Борисов «ТЕАТР ВСЕГДА НАЦИОНАЛЕН»

Наш собеседник — лауреат Государственной премии, заслуженный артист Якутской АССР, главный режиссер Якутского драматического театра имени Платона Ойунского, один из молодых и самых известных театральных режиссеров страны. Его спектакли получили самую высокую оценку советских и зарубежных зрителей и критиков, он участник и лауреат театральных фестивалей.

Так представили Андрея Борисова на встрече в Иркутском Доме актера.

— Трудно, — сказал он. — Вот так тебя отрекомендуют, и не знаешь, как рапортовать, чтоб соответствовать всем этим титулам.

Сказал — и сразу о своих опасениях забыл. Прочно забыл, потому что разговор, который состоялся, был вовсе не рапортом, не тривиальным отчетом знаменитого режиссера перед театральными иркутянами. Получилась беседа, в которой раскрылся самобытный, несомненно, талантливый, но и очень доступный, открытый для общения человек. Человек, который и смысл своей профессии видит в поисках языка, всем близкого и понятного, потому что, по его мнению, в театре должны обитать людские души.

— Когда говорят, что театр должен заниматься нравственным воспитанием зрителей, мне становится скучно, — говорит Андрей Борисов. — Да это и неправильно. Каждый режиссер пытается как-то посвоему вывести формулу театра. Я тоже об этом много думал. Окончательно еще не сформулировал, но примерно так: театр существует, чтобы пробуждать в людях интуитивное, глубинное восприятие мира. Это большая задача. Я

убежден, что человек, в котором по-настоящему развита его природная интуиция, не может быть недобрый.

— Недавний взлет якутского театра явился полной неожиданностью. Появления шедевров на вашей сцене не ждали, потому что слишком долго рутинно и неинтересно текла здесь жизнь. И вдруг... Такой быстрый и уверенный взлет — само по себе удивительно. Но еще более интересно, что достигнуто это средствами незначительными. Все отмечают глубокое национальное своеобразие вашего театра. Как это удалось!

— Может быть, как раз все дело в том, что прежде всего мы стали возвращать театру его национальную природу. До наших дней открыты и исследованы громадные сокровища — многие тома написаны о языке, культуре, психологии якутского народа. Ни один из сибирских народов не изучен в такой полноте. Есть замечательный, самобытный опыт и в театральном искусстве. Например, традиционные выступления певцов-сказителей. Это же театр одного актера, где человек и сочинял свои пьесы, и сам играл в них все роли — и лягушку, и вол-

ка, и черта, и бога. Несколько вечеров подряд он мог рассказывать, показывать в лицах какую-то историю, увлекая зрителей не столько ее сюжетом, сколько искусством перевоплощения и разными чисто театральными эффектами.

Вот мы играем «Алампа, Алампа». В далекой деревне,

в маленьком клубе. Не смогли привезти с собой и половины тех декораций, из которых строили, создавали обстановку храма, собора. Смотрю из зала и вижу: обстановки нет, а атмосфера есть. Актеры своим состоянием, ощущением ее создают. Они движутся, говорят так, как можно двигаться

и говорить, если на тебя давит величие стен, глубина акустики, объемы большого здания

В другом спектакле — «Свободы жаркий день» — наши артисты, якуты, играют негров, африканцев. Никакого грима. Только с помощью света и распределения в костюмах цветовых объемов артисты становятся высокими, стройными, а главное — чернокожими.

Все это в театре очень важно. Без этого вдохновенного шаманства театра просто нет.

— Иркутяне уже слышали о том, что вы приглашены на постановку во МХАТ. В одну из его разделившихся половин, которую для простоты, в отличие от «ефремовской», называют сегодня «доронинской». Наши земляки особенно заинтересовало, что спектакль будет по повести Валентина Распутина «Прощание с Матёрой». Зависит ли осуществление этого замысла от вашей личной встречи с автором?

— Конечно, зависит. Она уже состоялась, и согласие от Распутина получено. Но... Я так много хотел узнать от Валентина Григорьевича, собрался задавать вопросы. А когда мы расстались, с ужасом осознал, что все время нашего диалога практически говорил один. Так много говорил... Это, конечно, оттого, что очень увлекся замыслом.

Для каждого сибиряка Матёра — это родное. А мы сибиряки. И это в нас настолько

сильно, что стало важнее национального самосознания.

Но у меня есть тут еще свое, личное. Бабушка у меня была синеглазая россиянка, по фамилии Березкина. Она умерла восемь лет назад. И умерла точно так, как умирает старуха в повести Распутина «Последний срок». Это меня поразило. И этот человек, писатель, мне стал очень близок, потому что пережил, почувствовал то же и так же, как я.

Есть у меня и своя Матёра. Это Вилюйск, где родились и жили мои родители и который тоже испытал трагедию.

И вот возникла самонадеянная мечта, что я могу рассказать о русском, о России и как человек, очень близкий для них, и одновременно словно бы глядя со стороны.

— Это, конечно, должно быть сделано в русском театре. Почему именно в этом, во МХАТе!

— Я долго думал и сомневался. Но вот увидел у них восстановленный чеховский спектакль «Три сестры». Как мучительно трудно было на сцене артистам, которые многие годы были в простое и носили ярлыки балласта труппы! Как им было трудно! А потом они вышли на поклон, и отчаянной надеждой светились их глаза: вот сейчас или зааплодирует зал, или все для них кончится. Такое было чувство. В этот момент я решил. Понял, что буду с ними делать «Матёру».

Поблагодарив Андрея Борисова за встречу и пожелав ему новой удачи, остается добавить для читателей: очень возможно, что Якутский театр драмы имени П. Ойунского нынешним летом приедет к нам на гастроли.

На встрече с режиссером
побывала О. БАТАЛИНА.